

Гаспар

Все началось с того, что я не смог вспомнить имя третьего волхва. Первый — Бальтазар (как отец Гуттиэре), второй — Мельхиор (как десертные ложки). А третий? Что-то на "Г". Хоть убей, не помню. А это проблема. Ведь без имени третьего волхва я не смогу написать первое предложение нового рассказа, а без первого предложения и самого рассказа не получится, верно? В общем, для идеального начала мне не хватало имени третьего волхва. Вот, посмотрите:

"Завершается посадка на рейс под номером 307 авиакомпании Эль-Аль в Тель-Авив, пассажиров Бальтазара, Мельхиора и ... просят срочно пройти к выходу номер 17".

Ну как, а? Поняли идею? Рассказ про то, как три волхва в наши дни пытаются добраться до Вифлеема. Они показываются кем-то вроде всезнающих, хитро— и остроумных суперагентов, эдаких библейских джеймсбондов, с архиважной миссией — вручить свои дары. Иначе ведь все пойдет наперекосяк, и спасения мира не случится. И им всячески мешают силы зла. И в конце, как всегда у меня, ничего у волхвов не получается, и мир обречен. Очень символично, остроумно, злободневно. И вообще. Ничего, что я испортил вам концовку?

Но как я могу писать рассказ, если не помню, как звали третьего волхва, одного из главных героев? Никак не могу. Я, конечно, приеду домой, залезу во всезнающую "Википедию", и прочитаю все о третьем волхве, и о первых двух в придачу. Но это будет слава богу если через шесть часов, а пока я застрял в аэропорту Бен-Гурион, ожидая своего рейса, с новеньким блокнотом фирмы "Rhodia" и недописанной первой строчкой.

Идея рассказа пришла ко мне только что. Грозный женский голос объявил по громкой связи: "Пассажиры Балабан, Лопез и Москевич, опаздывающие на самолет в Ньюарк, срочно подойдите к тринадцатому гейту". Сначала я усмехнулся некой ильфипетровости имен, потом задумался, что объединяет этих трех людей, кроме опаздывания на один и тот же самолет. Распивают ли они сейчас на троих бутылку виски из дьюти фри? Или, может быть, они устроили драку — эдакую маленькую межнациональную рознь — прямо у паспортного контроля? Или, быть может, их похитили, всех вместе, по нелепой случайности? И тут меня осенило: что если вот так вот, по громкой связи, противным голосом, попросят явиться трех других людей со странными именами. Например, волхвов — Бальтазара, Мельхиора и..?

Так родился рассказ, точнее, его рождение сорвалось, и он так и остался никому не нужным выкидышем, поскольку я так и не смог вспомнить имя третьего волхва. На "Г".

Вскоре объявили мой рейс, и я, терзаемый сомнениями, поднялся на борт. Гавриил? Нет, не то. Геннадий? Смешно. Говард? Нелепо. Я сел в свое кресло у окна, застегнул ремень

и начал перебирать все известные мне имена на "Г". Герман? Грэхем? Гауф? Гюнтер? Горбатый, я сказал, Горбатый.

— Разрешите, — раздался голос, и я поднял голову от блокнота.

В мою сторону, отчаянно протискиваясь и извиняясь, шел очень полный мужчина. "Только не ко мне", — подумал я, и был немедленно "вознагражден". Толстяк сел в мой ряд, на одно сиденье от меня. Точнее, на половину — в одно кресло он не помещался.

— Надеюсь, никто здесь не сядет, — сказал он, указав на пустое место между нами.

Я кивнул. Народу было немного, и ни один ряд пока не был занят полностью. Мой новоприбывший сосед пошарил рукой под собой, нащупал застёжки и вытянул обе половинки ремня на полную их длину. Ремень не сошелся на его внушительном животе. Толстяк вздохнул, выдохнул и попробовал еще раз. Безрезультатно. Он пожал плечами и просто положил две половинки ремня на живот. Проходившая мимо стюардесса подняла бровь, но ничего не сказала.

Принесли газеты. Мой сосед взял "Охоту и рыбалку", надел очки и принялся с интересом изучать глянцевую обложку с фотографией здорового сома. "Речной владыка" — гласила надпись под фотографией. Я продолжал черкать что-то в блокноте, то и дело косясь в сторону соседа. Очки у него были старые, грязные и поцарапанные, в одном из стекол не хватало внушительного куска. Одет он был в белую рубашку, необъятные тренировочные штаны спорно-серебристого цвета и сандалии на босу ногу. Ступни у него были огромные, загорелые, одубевшие, больше напоминавшие куски дерева, нежели человеческие ноги. Шелушащиеся ногти торчали стружками. Ладони были крепкие, мозолистые и какие-то узловатые, словно связка морских канатов. Лицо у моего соседа было широкое, красное и обветренное, редкие белые волосы с трудом покрывали внушительных размеров затылок.

С собой в самолет он взял лишь полупрозрачный пластиковый пакет, который и занимал пустое место между нами. Я украдкой заглянул в пакет. В нем лежали бутылка воды, газета, упитанный кошелек, морская фуражка и завернутый в оберточную бумагу бесформенный ком. Мое внимание привлекла фуражка.

— Простите, вы моряк? — спросил я, рассудив, что рассказ все равно не напишется, пока я не залезу в Интернет, а других развлечений не предвидится. Кроме того, сосед мой был настолько фактурен, что не поговорить с ним было бы преступлением.

— Боцман, — сказал он, ухмыльнувшись. — Боцман дальнего плавания.

— А разве такие бывают?

— Ну ведь капитаны дальнего плавания бывают.

— Ну да.

— Ну вот. А всякому капитану нужен свой боцман.

— Логично. А вы в израильском флоте служите?

— Нет, я вообще-то в черноморском. И не служу, работаю. Мы водим небольшой фрахтер через Средиземное море. На Крит, на Кипр, в Грецию, в Турцию, в Египет, ну и в Израиль иногда заходим.

— А как же вас на самолет занесло? Да еще в Израиле, а не дома?

— Да письмо получил, электронное. Что моя... знакомая вот-вот родит. Ну, и я поехал поздравить. Цацку вот новорожденному везу, — он кивнул на непонятный куль в пакете.

— А что за цацка?

— Вопросов много задаете, молодой человек. Задавалка не отвалится?

— Так я журналист. Нам ее прибывают.

Боцман хрюкнул, а потом расхохотался во весь голос, пугая пассажиров.

— Да и кроме того, скучно, — продолжил я, — всегда лучше поговорить с интересным соседом чем так лететь.

— Так-то оно так, да не всегда так. Вот, помню был один случай на нашем фрахтере. Ходил с нами один парень, молодой. Разговорчивый, навроде тебя. Тоже все вопросы задавал. Ученый был, студент. А к нам простым матросом пошел, видно, случилось у него в жизни чего, а может, просто учиться надоело. Не спрашивай, врать не буду. Ну вот, ходил этот студент с нами несколько месяцев, учился всякому потихоньку: и узлы завязывать, и палубу драить, и галюн на три часа не занимать, — это ваш брат, студент, любит — и рыбу на леску ловить, и лотом глубину мерять, и карты морские читать, — много чему учился. И везде старался в самую суть проникнуть, все вопросы задавал: а как тут два конца завязать, чтобы не болтались? а как правильно шваброй двигать, к себе или от себя? а на какую наживу лучше килька ловится? что значит — на томаты?.. Ну и так далее. Такой был настырный и любознательный, что старпому пришлось назначить его помощником штурмана... А старпом наш — хоть и девяносто лет ему, — крепкий мужик! Одним взглядом у матроса грыжу может вызвать. Он еще в войну отличился, три линкора итальянских потопил. Один прямо в борт притаранил и на попа, говорят, поставил. А макаронники все в воду попрыгали, да там их мокренькими и взяли. Старпом наш после этого от американцев даже медаль получил, от самого Айка, на ней баран ворота прошибает, и "headforth" написано, башкой вперед, значит. Сам видел.

Тут стюардесса принесла ужин, и мой сосед прекратил дозволенные речи.

В две секунды расправившись с неаппетитной, но сытной курицей, боцман вытер лицо салфеткой, громко отхлебнул чая и продолжил:

— О чем там я бишь? Ах да, о коке. Кок у нас, брат, всем кокам кок. Один раз мы заправлялись у одного острова в Эгейском море. Там этих островов — видимо-невидимо. А еда на корабле вся кончилась. А голодная команда бунтовать начинает, все фильм видели. Встали мы, значит, у острова — совсем крохотного, метров сто в диаметре, — а у жителей из продуктов только лук, да маслины. И все, больше ничего на острове не растет. Три маслиновых дерева, да луковая грядка. Ну, делать нечего, затарились мы луком с маслинами, да отчалили. Ну а кок наш расстарался — то лук фаршированный маслинами приготовит, то маслины фаршированные луком, то луковые кольца на оливковом масле, то маслинный паштет под луковым соусом — все, что только можно из лука с маслинами придумать, он сделал. Неделю мы на луке и маслинах продержались, а потом плюнули и рыбы наловили. Эй, ты чего, спишь, что ли?

Я не спал, но медленно и верно погружался в крепкую дрему, в которой вроде бы и слышишь, что происходит вокруг, но глаза открыть уже нет никакой возможности. То ли это усыпляющее действие невкусного, но насыщающего ужина, то ли поздний даже для меня час, но скорее всего это было монотонное, скучное и ни капли не достоверное бубнение боцмана — но секунд через пятнадцать я с концами провалился в липкую сетку сна.

Снилось мне черте что, как всегда в самолетах. Любознательные матросы спрашивали у рыб городу к Масличной горе, боевые старпомы пожирали ряды луковиц противника, а над всем этим парил Боцман во всем своем пантагрюэльском великолепии, и раскланивался, снимая безразмерную фуражку, и тут же снова клал ее на убеленную сединами голову. Единственное, чего не было в моем сне — имени третьего волхва. Но я особо и не рассчитывал его там найти.

Проснулся я уже сразу перед посадкой. Боцман сидел в своих полутора креслах и оскорблено молчал, держа в руках половинки ремня безопасности. Самолет трясло и болтало, голова у меня кружилась и болела, и было не до обиженного соседа. Лишь только когда мы сели, и люди уже стали выходить из самолета, я посмотрел на него, и он протянул мне свою огромную, узловатую ладонь:

— Гаспар.

Я назвал свое имя и пожал ему руку, а потом долго смотрел, как он с извинениями выкарабкивается из слишком узкого для него самолета, держа на вытянутой руке полупрозрачный полиэтиленовый пакет.